

ФЕНОМЕН ТАЛАНТА

*И.П.Шухов,
с. Пресновка,
1959 г.*

Эскизы к биографии

Как случается нередко - ищешь одно, а находишь другое. И порой более интересное и значительное, чем то, что ты искал. Просматривая в областном архиве в Петропавловске подшивки местных газет тридцатых годов, я нечаянно наткнулся на комплект газеты "Юный

степняк" за 1924 год. Листая ее пожелтевшие страницы, я вдруг обнаружил почти в каждом номере стихи и заметки, подписанные: "Ив. Шухов", "И.Пресновский", "Иван Шухов"...

"Юнкорское", "Юнкор степи", "К новому быту", "Весеннее" - так назывались стихи. Они поразили меня наивной незатейливостью, безыскусным выражением мыслей и чувств. Но пристальней вчитавшись в них, можно было заметить - то были все же не графоманские штучки, а попытки, пусть и неуклюжие, высказать что-то свое.

*Я сын полей и вырос среди пашен,
Среди степи узорчатых ковров.
И для меня нет и не будет краше
Степных широт и бархатных лугов, —*

провозглашал "юнкор степи" Ванюша Шухов, приехавший после полутора десятка лет деревенской жизни в город, чтобы учиться. В Петропавловске, городе в ту пору весьма провинциальном, он поступил в педагогическое училище. Литературная среда отсутствовала. Ваня Шухов варился в собственном соку. Он пробует свои силы не только в "виршах", пишет и зарисовки. "Угол медвежий. Из быта деревни"- так названа одна из них. Персонажи списаны явно с натуры: дядька Фрол, привезший из города газеты для курева, его сын Федька, который пытается использовать газеты по прямому назначению, рыжий Архип, которому интересно знать "жизнь на белом свете", другие мужики, просиживающие в пересудах целые ночи... Но главный персонаж -Федька, "парень боевой, первый на деревне. На праздниках театр устраивал для крестьянских работников: шубы повыворачивал и стал "ведмедь"... Страшно и смешно было. А вот теперь, когда отец приехал из города, читал собравшимся мужикам газеты, которые были предназначены для курения".

Зарисовка завершалась так:

"На дворе свет забрезжил. Мужики расходились по домам, а Федьке велели припрятать газетенку и прочитать снова все старое завтра.

Архип, идя вплоть до самого дома, бормотал:

- И есть же жизнь на белом свете, не то что у нас, в медвежьем углу".

*И.П.Шухов
в день
получения
письма
от М.Горького
28. 11. 1931 г.
Москва.*

В свою находку я решил посвятить самого Ивана Петровича и передал ему фотокопии его юнкоровских творений. Не обидится ли? Нет, ничуть. Напротив, повеселел, повспоминал кое-что из тех далеких лет. Рассказал, как "Юный степняк" однажды перестал печатать его "вирши и заметки". Юнкор степи решил пошутить и послал в редакцию чужие стихи, переписав их из настенного календаря. Сотрудники редакции приняли шутку всерьез и объявили юнкора плагиатором.

- Я еще напишу об этом, - сказал мне Иван Петрович.

Но я думал о другом: как первые всходы таланта, эти еще слабенькие, бледные былинки, прорвавшиеся к свету сквозь земные толщи, спустя всего немного лет превратились в мощные, цветущие буйным разнотравьем просторы художественного самовыражения. Об этом я даже проговорился в присутствии родных и близких писателя после его смерти. Помнится, тогда бросил мне реплику Д.Ф.Онегин: "Талантами рождаются, а не становятся". Разумеется, талант - качество врожденное, но не заговорит, если не получит развития. Феномен таланта требует огромных усилий, преодоления множества препятствий, мужества, упорства в достижении цели, полной отдачи физических и умственных сил. "Постоянный труд есть закон как искусства, так и жизни", - считал гениальный Бальзак. Это сполна постигнет зрелый писатель Иван Шухов, а пока он неосознанно тянется к литературному творчеству, отдавая ему все свободное время и душевные силы.

Ради этого он продлит разлуку с родной Пресновкой и поедет в Омск, поступит на рабфак. Это учебное заведение отнюдь не было храмом науки, более того, по признанию самого Шухова, его ректор прослыл преследователем "всяких там писак". Но сам Омск очень даже располагал к литературным занятиям! Здесь жили Антон Сорокин, самобытный и оригинальный сочинитель рассказов и повестей, начинали творческий путь Леонид Мартынов, Андрей Алдан-Семенов, Евгений Забелин и другие. Каждый со сѐюими литературными вкусами и амбициями. Молодой Шухов быстро вписался в эту среду. Он много пишет и много печатается. Пишет в основном стихи. Газета "Пролетарский студент" (Омск) в конце 1925 года посвящает молодому рабсраковцу следующие строки: "Ив. Шухов - деревенский паренек. Он совсем недавно "ушел от девчат, обрадованный, в дальний город" - на рабфак. Стихи у него, конечно же, деревенские: тишина "сонных степей", ночные посиделки под "сонливым небом", девичьи "проголосные песни"... Стихи у него раздумчивые, спокойные, ясные, "есенинские". Но не в этом одном их ценность. Важно то, что поэт не проходит мимо тех явлений деревни, в которых чувствуется формирование новой жизни... Здесь-то и обнаруживается, что автор, несмотря на крайнюю свою молодость, чувствует (если не знает) некоторые малые величины из железной алгебры революции" (Воспоминания об Иване Шухове. Алма-Ата, 1979, с. 89-90). Сам же молодой стихотворец считал, что пишет стихи, "чтобы научиться писать прозу" (там же, с. 34).

Крылья крепнут в полете* Недавний "юнкор степи" испытывает свои крылья, пробуя взлететь все выше и выше. Он погружен в поиски своего образного слова, своего видения жизни - теперь уже не в стихах, а в очерках и репортажах. "Пишу о людях и жизни" - этот девиз становится его творческим кредо. Действительность он воспринимает такой, какая она есть. Однако не бездумно, а критически оценивая события, особенно перегибы в годы сплошной коллективизации. К сожалению, не написана еще более или менее обстоятельная биография И.П.Шухова. А она чрезвычайно богата событиями и фактами, раскрывающими незаурядную его личность как писателя и как гражданина. Сам Иван Петрович намечал

рассказать о себе в цикле автобиографических повестей. Он успел дать читателям лишь первые три: "Колокол", "Трава в чистом поле" и "Отмерцавшие марева". Дальше собирался рассказать еще о многом: и о событиях революции и гражданской войны, и о кулацко-эсеровском мятеже 1921 года в Приишимье, и о юнкорстве в "Юном степняке", и о своей "скитальческой жизни" разъездным корреспондентом по просторам Сибири и Урала... В плане одной из последних повестей было обозначено:

"Перегибы.

Бойкоты.

Покушение на меня в с. Куртамыш Курганской области.

Мой арест - месть за разоблачительную мою корреспонденцию о перегибах районных властей в с.

Крутоярово".

Как жаль, что всего этого мы подробнее не знаем!

Многочисленные очерки, статьи, рассказы, стихи отложились на страницах периодических изданий Сибири и Урала: газет "Советская Сибирь", "Волжская коммуна", "Красная Башкирия", "Уральская областная крестьянская газета", а также ряда центральных изданий: в журналах "Рост", "Журнале сельскохозяйственной молодежи" и других. "К литературе пришел я от газеты", - справедливо считал Шухов. Работа в периодической печати обогатила его тематически, дала "очень много в тренировке глаза и уха, в развитии наблюдательности"...

"Шухов всюду видел темы, сюжеты, острые ситуации для творчества, где кипела жизнь, а прошлое переплеталось с настоящим и история обогащалась за счет новых событий", - вспоминал А.И.Алдан-Семенов, начинавший свой творческий путь вместе с Иваном Петровичем в Омске.

Молодой Шухов уже в те годы стремится писать не так, как все, а выражать свои мысли и чувства метафорично, по-народному выразительно и броско. Вот некоторые примеры:

"Поджарая, с пустоцветом раскосых глаз сторожиха вернулась с крепким дыханьем осенних сумерок" ("Будни", очерк, 1925).

"Кочевали степями сентиментальные легенды... И чахли вместе с чернобыльником" (там же).

"Расцветают уродливые мазанки, в зелень вырастают" ("Ломь", рассказ, 1926).

"Настя гумном на поскотину крадучись скользила. Ныли плечи, спина ныла от тяжелого кулака отца. Мать не заступилась. Сыпала руганью громкой... Месяц за гребень леса сполз" (там же).

Позже он избавится от нарочитости и вычурности эпитетов и кричащих метафор, выработает свой неповторимый, образный шуховский стиль. А покуда он "бороноволок" - взрыхляет пашню и готовится к большому посеву... И все чаще снятся ему родимые пресновские степи. И люди, живущие там, их радости и невзгоды.

Шел 1929 год, когда Иван Шухов приехал в Москву и попросился на работу в редакцию газеты "Батрак" (позже "Сельскохозяйственный рабочий"). Молодой, простоватый на вид, "коренастый, широкоплечий крепыш", быстро стал своим, вызывая уважение и симпатию коллег. Жил он в проходной комнатухе, где не то что работать, но и повернуться было негде. Да и редакция размещалась в тесноте, как правило, работали вдвоем за одним

Кадр из фильма "Вражьи тропы", 1935 г.

М.А.Величко, сам автор многих известных книг.

Через год готов роман "Горькая линия". За тем же "чайным столиком" еще через год родился второй роман "Ненависть". Первый отдельной книгой увидел свет в 1931, а второй - в 1932 году. "Хороший роман, написанный в двадцать лет, всегда чудо", - утверждал Андре Моруа, глубокий исследователь и знаток природы литературного творчества, автор замечательных эссе и книг о многих представителях французской словесности.

Романы Ивана Шухова, написанные им в двадцать с небольшим лет, поистине были чудом. Его имя встало в ряд самых известных писателей своего времени, а ведь с поры юнкорства прошло всего семь лет. Романы, созданные единым взрывом молодой творческой энергии, покорили читателей. Феномен таланта выходца из сибирского казачьего сословия, написавшего "очень хорошую книгу", был радостно замечен А.М.Горьким. "...Автор - человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно, - напишет он в письме молодому Шухову по поводу романа "Горькая линия", - будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы для того, чтоб отобразить казаков с беспощадной и правдивой суровостью... Вы - как будто были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых Вами, ...Вы - как бы подслушали все мысли, поняли все чувствования всех Ваших героев. Бот *это и есть подлинное, настоящее искусство изображения жизни силою слова*" (курсив мой. - А.Х.). В том же письме А.М.Горький указывает на "кое-какие промахи" в языке и стиле и заключает: "Долой все словесные ухищрения, фокусы, затейливые красоты! Пишите строже, проще, Вы это умеете". Эти советы станут для зрелого Шухова неукоснительным правилом.

"Очень значительным произведением" считал Горький роман "Ненависть" и неоднократно призывал

столом. Шухов приходил на час-полтора раньше других и к полудню успевал управиться с редакционными обязанностями. А потом, по договоренности с ответственным секретарем редакции М.А.Величко, пересаживался за так называемый "чайный столик", за которым под шум и галдеж и свершалось таинство шуховского творчества. "Не могу больше терпеть-писать надо, пока кипит, пока не остыло", - такие доверительные признания, самозабвенную работу начинающего писателя с большой достоверностью описывает в своих воспоминаниях

На съемках фильма "Вражьи тропы" в Боровом, 1935 г. И.П.Шухов и М.К. Аммосов с творческой группой фильма. В первом ряду: режиссер О.Преображенская и актриса Э.Цесарская

Кадр из фильма "Вражья тропа".
Борис Тенин в роли Романа Каргополова.

критиков рассматривать его в одном ряду с "Поднятой целиной" М.Шолохова и "Брусками" Ф.Панферова. Следует заметить, что роман Шухова "Ненависть" почти на год опередил появление на свет первой книги "Поднятая целина" М.А.Шолохова. "Ненависть" была опубликована в журнале "Октябрь" в 1931-м, а "Поднятая целина" - в журнале "Новый мир" в 1932-м году. Затем последовали публикация "Ненависти" в "Роман-газете" (1932, №№ 7-8), переиздания романа отдельными книгами, и всякий раз взыскательный автор вносил в него существенные изменения как стилистического, так и содержательного

характера. Только за два года (1932-1933 гг.) "Ненависть" выдержала восемь изданий общим тиражом 800 тысяч экземпляров. Роман был переведен на немецкий, французский, чешский, испанский, румынский и другие языки.

Между тем Иван Шухов всецело охвачен новыми творческими заботами. Им задумано новое большое произведение и уже написаны вчерне отдельные главы. Быть может, он назовет третий свой роман "Поединок". Действие его происходит в тех краях, откуда родом сам автор, - в Северном Казахстане, в конце двадцатых годов, характерных остротой неоднозначных явлений тогдашней действительности. Когда рукопись будет готова, автор откажется от первоначально задуманного названия и наречет роман емким словом "Родина".

А пока ему не удастся сосредоточиться в работе над рукописью. Его отрывают то кинематографисты, то театральные деятели. Одни просят написать пьесу, инсценировку по его популярным романам, другие настаивают на экранизации "Ненависти". На все нужно время, душевное расположение, и Шухов не может отмахнуться от настойчивых предложений.

В 1933 году Шухов решает переселиться из Москвы в родную Пресновку. "Послушался совета Горького, - говорит он одному из друзей - Алдану-Семенову. - Работаю над новым романом "Родина", но дается трудно. Показывал рукопись Горькому, многое хвалит, но многое и ругает. Говорит, сделав большой шаг вперед первыми романами, нельзя возвращаться назад. И он прав, совершенно прав".

Отметив торопливость, с которой написано новое произведение Шухова, Алексей Максимович предупредил автора: "Если Вы напечатаете в том виде, какова она есть, - Вы ее погубите, а переработав -дадите ценную книгу, - в последнем я убежден". И настойчиво, зная цену таланта молодого писателя, добавлял: "Вам следует работать над собой много и серьезно, у Вас хорошее, здоровое, революционное дарование, его необходимо расширить, углубить".

Не прислушаться к советам "патриарха советской литературы" Шухов не мог. Он много ездит по селениям, ведет долгие разговоры с пахарями колхозов и совхозов, старается понять и осмыслить жгучие явления той действительности, которая была полна противоречий - и радостей, и лиха. В зимние метельные дни Иван Петрович, не поднимая головы от письменного стола, пишет и пишет... Но все же той усидчивости, которая утвердилась за "чайным столиком" в редакции московской газеты, у него нет. Отвлекают и земляки-одностаничники, и различные общественные дела районного, а подчас и союзного масштаба.

В августе 1933 года И.П.Шухова наряду с А.Н.Толстым, А.С.Новиковым-Прибоем, М.А. Шолоховым и другими виднейшими писателями вводят в состав Оргкомитета Союза советских писателей СССР. Председателем избирается А.М.Горький.

Присутствие на заседаниях Оргбюро его членов обязательно. Пресновчанину Шухову - тоже, и он несколько раз выезжает в Москву. В марте 1934 года Оргкомитет ССП проводит вечер казахской литературы. После доклада И.Джансугурова выступают С.Муканов, С.Сейфуллин, А.Тажибаев, И.Шухов и другие.

Значительным событием в жизни И.П.Шухова в 1934 году стал I Всесоюзный съезд писателей. Он проходил в торжественной обстановке в Колонном зале Дома Союзов с 17 августа по 1 сентября. Иван Петрович избирался делегатом всех последующих писательских съездов, но самым дорогим, самым волнующим остался навсегда в его впечатлительной душе *этот*, на котором он слушал неторопливую, окающую речь основного докладчика А.М.Горького, выступления соотечественников и зарубежных гостей. "На всем пространстве Союза Социалистических Республик, - говорил Алексей Максимович, - быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа "к жизни честной - человеческой", к свободному творчеству новой истории..." Лицо Шухова, слушавшего доклад А.М.Горького, "было одухотворенным, - заметит в воспоминаниях о нем М.А.Величко, - брови то сдвигались, то взлетали вверх, губы вздрагивали, словно что-то шептали".

Возвращение из Москвы своего знаменитого земляка пресновчане встретили хлебом-солью, лаской, - аи да наш Ванюша! - нескончаемыми просьбами: расскажи - как да что? С той же просьбой приглашают его выступить на Пресновском районном съезде Советов. Иван Петрович просто и доступно делится в своей речи волнующими его мыслями о месте литературы в жизни. "Мы, писатели, названные "инженерами человеческих душ", призваны рассказать в своих книгах о всем замечательном, ярком, небывалом, интересном в нашей стране", - говорит он. Далее, отвечая на вопросы, почему он живет не в Москве, а в Пресновке, объясняет: "...Я живу в деревне потому, что пишу о деревне. А для того, чтобы хорошо и правдиво писать о деревне, надо хорошо знать ее. Для того же, чтобы знать ее, не следует от нее отрываться..." И еще: "Одного таланта для того, чтобы стать писателем мало. Для этого нужна огромная работа, огромное терпение, длительное и упорное изучение того материала, над которым мы работаем"...

Между тем судьба уготовила Ивану Петровичу знакомство и доверительно дружеские отношения с человеком, который с марта 1934 года стал первым секретарем Карагандинского обкома партии. Им был Максим Кирович Аммосов, "легендарный якут", как его спустя десятилетия назовет писатель Леонид Соболев.

Об одной из встреч Аммосова и Шухова, весьма возможно - первой, рассказал в статье "Обладатель большого сердца", посвященной 80-летию Ивана Петровича, старейший казахский писатель Дихан Абилев ("Казак эдебиети", 1986,15 августа). Дихан-ага ошибся только в дате встречи - она произошла не в 1933 году (тогда Аммосов работал и жил в Уральске), а в 1935-м. Центром огромной, вытянувшейся с севера на юг Карагандинской области являлся Петропавловск. Аммосов там жил и работал с середины марта 1934 года.

Человек необычайной организованности, самодисциплины и исключительной работоспособности, Аммосов всю свою короткую жизнь следовал требованиям, которые были сформулированы так: "Все исполнять вовремя. Точно, минута в минуту. Экономь время, уплотни время,

И.П.Шухов, конец 50-х гг., Петропавловск

быстро работай... Упорно добиваться поставленной цели. Напор - не отступать при неудачах, доводить до конца начатое".

Цельная личность Аммосова, его нравственная чистота, богатство духовного мира, скромность вызвали глубокую симпатию к нему всех, кто с ним общался. Шухов не был исключением.

Д.Абилев, в ту пору заместитель редактора областной газеты, рассказывает, как Шухова, приглашенного в кабинет первого секретаря, Аммосов радостно обнял и долго не выпускал из своих объятий. Можно было подумать, что встречаются после долгой разлуки очень близкие друзья. Оба были схожи ростом, статью, точно близнецы. Разнились лишь цветом глаз и кожи: один - якут, другой - русский. Они очень долго вели беседу, к сожалению, Дихан-ага не все запомнил. Но в памяти сохранилось предложение, которое сделал Шухову Максим Кирович: переехать в Петропавловск на постоянное жительство и возглавить, если есть желание, редакцию межобластной газеты.

- От всей души спасибо, - ответил Иван Петрович. - Считаю ваше предложение большой честью для себя. Однако не могу стоять в стороне от бушующего потока жизни, отойти от нее в сторонку... Как вам известно, я - писатель. Мое место в обществе связано с литературой. Я должен жить в деревне, ибо настоящее произведение искусства обязано отражать жизнь во всех ее проявлениях... Книги, которые пишутся без знания подлинно народной жизни, - "не съедобны", как мерзлая картошка...

- Отлучить вас от Пресновки - все одно что оторвать младенца от материнской груди, - ответил Аммосов. - Не будем отрывать вас, Иван Петрович, от творческой работы. Пишите, создавайте новые произведения, а мы постараемся создать необходимые условия для этого.

С первой же встречи Шухов своим писательским чутьем угадал в Аммосове человека, равнодушного к литературе. Правда, он еще не знал, что Максим Кирович с юных лет был связан теснейшей дружбой с видными писателями и поэтами родной Якутии. Это ему, Аммосову, посвятил свое лучшее произведение "Красный шаман" классик якутской литературы П.А.Ойунский. Посвящение было написано в стихах:

Максим! Ты мне, как брату, говорил:

"Цени слова, не распыли их пыл,

Не отступайся от мечты своей,

Не падай, не сдавайся, не робей!..

"Да будет так, как ты сказал, Максим!

Да светит свет твой над путем моим!

Свет Максима Кировича в годы его работы в Казахстане своей дружеской теплотой озарял и творческий путь Ивана Петровича Шухова. Аммосов часто навещал его в Пресновке. Один его приезд был связан с проведением слета сибирских казаков 1 августа 1936 года. На широкой площади станицы выстроились конные казаки. Праздник сопровождался джигитовкой, рубкой клинками лозы, соревнованием в стрельбе. Шухов молодецково восседал на буланом строевом коне. Аммосов произнес импровизированную речь, собравшиеся ответили дружным "ура!". Затем с докладом выступил Иван Шухов. Участники слета приняли письмо, адресованное крайкому партии и правительству Казахстана. "Если враг попытается перейти границы нашей Родины, - говорилось в нем, - то сибирские казаки выставят десятки боевых казачьих сотен против врагов советской страны". Аммосов побывал в доме, в котором жил писатель. Разговорам не было конца - Максима особенно интересовали творческие дела Ивана Петровича.

Все его советы и наставления можно было бы свести к словам, выраженным романтически приподнято в посвящении Платона Ойунского: "Цени слова, не распыли их пыл, не отступайся от мечты своей...".

Сохранилась одна-единственная фотография, где Шухов и Аммосов изображены вместе. Они сидят в окружении съемочной группы кинофильма "Вражьи тропы" по роману "Ненависть": кинорежиссеров О.Преображенской и И.Правова, кинозвезды двадцатых-тридцатых годов Эммы Цесарской и еще нескольких человек. Шухов держит в руке теннис-

ную ракетку, а над ним склонился Аммосов. Съёмки фильма велись в 1935 году в Боровом. Максим Кирович считал это крупным событием. Как бы ни был занят, он приезжал в Боровое, и не из праздного любопытства, а чтобы помочь творческому коллективу в его сложной работе по воплощению на киноэкране образов знаменитого романа. Фильм широко рекламировался по всей стране. Помню обложки журнала "Огонек" тех лет с броскими фотомонтажами эпизодов и героев "Вражьих троп" с обязательным указанием: по роману И.Шухова "Ненависть". Исполнителями главных ролей, кроме Э.Цесарской (Фешка), были тоже знаменитости: Н.Плотников (Елифан Окатов), А.Абрикосов (Иннокентий), Б.Тенин (Роман Каргополов), И.Любезнов (сельский поэт), дебютантка в кино М.Ладынина (Линка) и другие. Шухов галантно ухаживал за актрисами, покупал им на "боны" подарки в золотодобывающем Степняке.

Фильм имел успех, а в Петропавловске долго не сходил с экрана. "Посмотреть его приезжало много сельских жителей, - вспоминает журналист и писатель А.П.Кияница, - для которых герои картины были очень близки и понятны". Появились и грампластинки с записями песен из этого фильма - "Веселей шагай", "Позарастили стежки-дорожки". Последняя стала подлинно народной.

Аммосов относился к литературному творчеству Шухова как к оружию. Оружие идейного, нравственного и культурного воспитания масс, хозяйственного и культурного строительства в селах и аулах. Он превосходно знал коллизии и образы "Горькой линии" и особенно "Ненависти", был знаком с журнальными вариантами нового большого произведения Шухова. Под названием "Поединок" отрывки из него публиковались в 1934 году в журналах "Октябрь" и "Перелом", а наиболее полный вариант романа, названный "Родина", - в 1935 году в трех номерах (№№ 8-10) "Октября". Не думаю, что между писателем и руководителем области, в которой происходят события романа, не было обмена мнениями. Наверняка были, может быть, и принципиального порядка. Не случайно, что "Родина" в окончательной редакции увидела свет в Гослитиздате и Казкрайиздате в 1936 году с посвящением М.К.Аммосову.

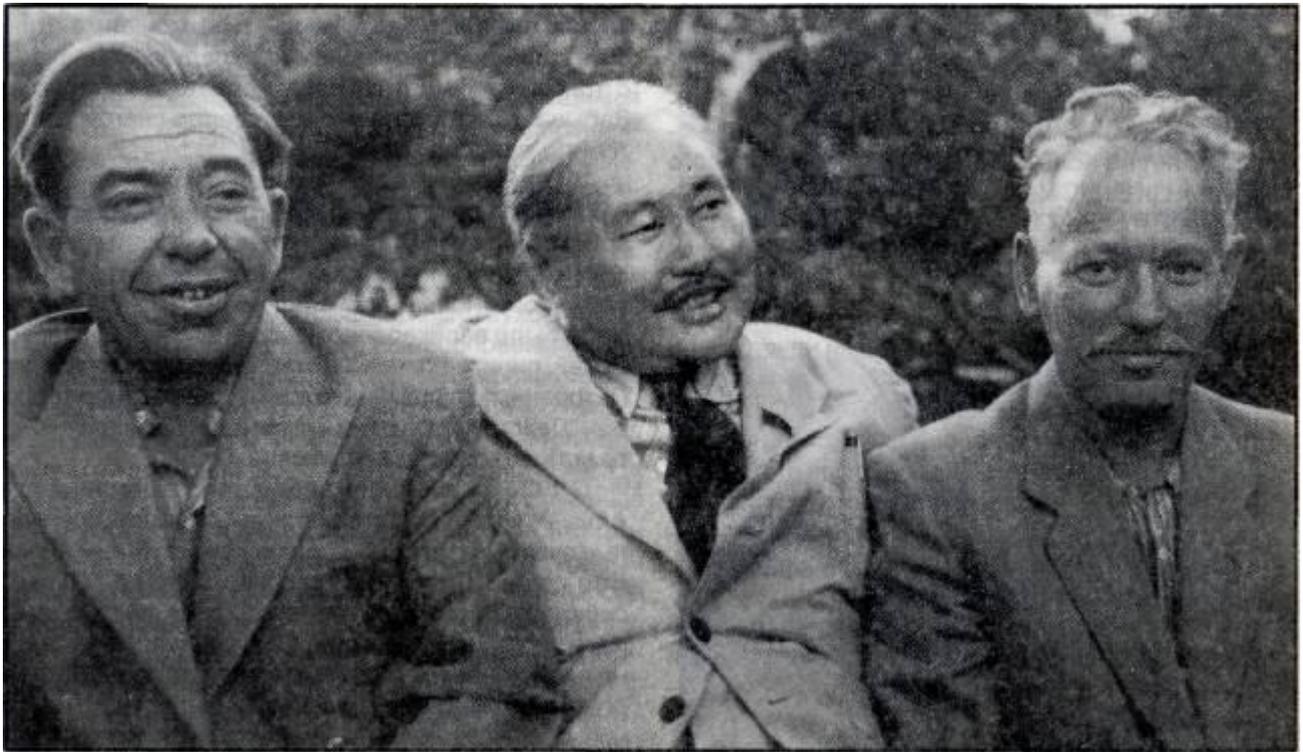
М.К.Аммосов в своих докладах и выступлениях подчеркивал актуальность и художественную ценность романов Шухова. Так, 8 января 1936 года в заключительной речи на пленуме обкома партии он упрекнул актив, что мало изучают художественную литературу. "В особенности слабо пропагандируем, - сказал он, - труды своих казахстанских писателей: Шухова, Майлина, Сабита Муканова... Великолепные романы Шухова "Ненависть", "Родина" и другие его произведения надо сделать достоянием каждого трудящегося. Шухов, наш карагандинский писатель, стал нам еще более близким - постановлением ЦК ВКП(б) он принят кандидатом в члены партии".

Пройдет немного времени, и последнее поставят в вину Аммосову. Произошло это экстраординарное событие в те годы, когда прием в партию временно был прекращен. Но инициатива приема

И.П.Шухова кандидатом в члены партии исходила от ЦК ВКП(б) и рассматривалась непосредственно там. Это было своеобразным актом признания творческих заслуг И.П.Шухова, что горячо поддержал и М.К.Аммосов.

Казалось, жить да радоваться недавнему "юнкору степи", за фантастически короткий срок ставшему признанным писателем страны, отнюдь не бедной на литературные таланты. Ему всего-навсего 30 лет. Но "покой нам только снится" - мог бы сказать он себе. Радость творчества подавлялась тревожными переменами в повседневности: нарастанием вируса подозрительности, неблагожелательности людей друг к другу, грубого доноительства. На пороге стоял 1937 год...

Опустошали душу и семейные неурядицы, переросшие со временем в неразрешимый конфликт. В 1930 году Иван Петрович женился на москвичке Белле, сестре журналиста Залмана Румера, с которым работал бок о бок в газете "Сельскохозяйственный рабочий". Поначалу все шло полюбовно, в мире и согласии. С переездом из Москвы в Пресновку все потекло по-иному.

Иван Шухов, Сабит Муканов и Михаил Шолохов.

Как невозможно было привить тепличный цветок к степной полыни, так и москвичке Белле трудно было вжиться в непривычные условия быта казачьей станицы. Досаждали усмешки, колкости, а порой и непристойные высказывания кондовых хранителей казачьих устоев. Белла требовала возвращения в Москву, часто уезжала туда одна. Как бы терпеливо ни объяснял ей муж, что на это он не может пойти, требования сопровождались слезами, бесконечными упреками. Тут пришло и горе: умер их трехлетний сын Сережа. Иван Петрович был в неистовстве: "Не уберегла! Тебе бы только в Москву!" После одной бурной перебранки Белла уехала в Москву навсегда. Оставалось одно - развод. Шухов долго не мог прийти в себя. В письме от 4 декабря 1936 года А.А.Есениной и ее мужу П.И.Ильину, с которыми Иван Петрович был в тесной дружбе, он сообщал: "Работаю неровно, нервно. Виною этому, безусловно, проклятый 36-й год, причинивший мне столько катастроф и потрясений..." А потрясли Шухова в том году не только нелады в личной жизни, а и кончина бесконечно дорогого Алексея Максимовича Горького.

Когда писал эти строки, Иван Петрович и не подозревал, что на него катится лавина еще более грозных потрясений. 9 мая 1937 года в "Комсомольской правде" было опубликовано, по выражению Г.А.Бровмана, "скандально-безобразное письмо" под названием "Личная жизнь писателя Шухова". Статья занимала две колонки газетной полосы и была подписана инициалами "В.В.". По ее тексту можно было предположить, что этот анонимно-конспиративный автор - кто-то из родителей бывшей жены Шухова. Имя ее не называлось. И еще одна странность: публикация сопровождалась сообщением, что в тот же день, когда появилась в печати, т.е. 9 мая 1937 года, она обсуждалась на заседании правления Союза писателей и без обиняков признана... правильной. Спрашивается - как же успели? Такой оперативности могла бы позавидовать любая пожарная команда. Ясно одно, что все свершилось по заранее намеченному сценарию. Председательствовал при этом В.П.Ставский, ставший после смерти А.М.Горького ответственным секретарем ССП.

Написанная в духе компромата 1937 года - развязно, в устрашающе грозном, разоблачительном тоне, статья обвиняла Шухова в "распутной жизни" и во множестве грехов. Автор (или авторы?) ее не постеснялись подвести всем этим "грехам" и политическую подоплеку. Они строчили: "Так как жена мешала Шухову "творить", он отправил ее в Москву, к родителям. Вскоре в Москву пожаловал сам писатель... В то время ближайшими друзьями его были П.Васильев, Макаров и другие такие же *типы*"... Какое лицемерие! Далее таинственный В.В. называет Павла Васильева "бандитом", а Шухов,

дескать, считает его "великим поэтом". Чувствуете, намек на какую "крамолу"? Ведь П.Васильев в те дни находился в тюрьме и вскоре был расстрелян как "враг народа". Та же судьба постигла несколько позже писателя Ивана Макарова.

Статью из "Комсомольской правды" перепечатали газеты Казахстана. Вокруг имени Шухова поднялся вой и визг завистников, любителей сенсаций из круга партийного и советского чиновничества.

Для расследования тенденциозного выступления "Комсомолки" Правление Союза советских писателей командировало в Пресновку своего старшего референта, литературоведа и критика Григория Абрамовича Бровмана. Вначале он встретился с первым секретарем обкома партии Сегизбаевым (Аммосов работал уже в Киргизии). В беседе участвовали и некоторые члены бюро обкома. Чувствовалась некоторая озадаченность руководителей области, но и в бесспорности выступления "Комсомольской правды" они очень сомневались. Более того, Сегизбаев, оговорившись, что в области он человек новый, заявил: "Сегодня я разговаривал с секретарем ЦК Компартии Казахстана Мирзояном, и он, между прочим, сказал, что высоко ценит Шухова как писателя и что об его произведениях сочувственно говорил ему, Мирзояну, Сталин..."

В Пресновку вместе с Бровманом прибыли старший следователь Прокуратуры СССР Шаблеев и спецкор "Комсомольской правды" Рохович. Последние были настроены агрессивно, и Шухов понял, что "шьется" дело. К счастью, Бровман оказался человеком на редкость честным и объективным и ни в ходе следствия, ни на суде - он состоялся в Москве 2 августа 1937 года - не поддержал несправедливые, ложные обвинения, за что заслужил упреки в "гнилом либерализме" и в печати, и от руководства ССП. Уж не профессиональная ли ревность руководила при этом Ставским? Ведь о его очерковых повестях "Разбег" и "На гребне" (обе о перестройке в деревне) говорили и писали гораздо скромнее, чем о шуховской "Ненависти". Как объяснить, что Ставский, присутствуя на судебном слушании "дела" Шухова, "дезауировал показания" старшего референта руководимого им Союза - якобы они противоречат действительности? Наконец, в качестве кого же выступал на суде Ставский - свидетеля или обвинителя? И о чем же он мог "свидетельствовать"?

Московский городской суд приговорил И.П.Шухова к двум годам лишения свободы - условно. Но преследователи писателя не утихли. Они считали приговор слишком мягким. В печати - той же "Комсомольской правде", "Литературной газете" и других, - а также от имени Союза писателей последовало сообщение о том, что "дело будет пересмотрено в целях ужесточения наказания". Цель - не только унижить, оскорбить Ивана Шухова, навсегда "вышибить" его из литературы, а еще желание - загнать его в лагерь.

О всех этих событиях непредубежденно и обстоятельно, называя неопровержимые факты и имена, незадолго до своей смерти поведал в своих записках Г.А.Бровман. В 1978 году он прислал эти бесценные записки сыну И.П.Шухова Илье Ивановичу. Они целиком вошли в документальную повесть Ильи Шухова "Ветер разлуки", которая увидела свет в журнале "Простор" (1991, № 11).

Свои записки Григорий Абрамович заканчивает так: "В эти тяжкие для Ивана Петровича дни он часто звонил мне домой и однажды вместе со своим защитником И.Брауде - известным московским адвокатом - явился ко мне.

- Я хочу написать Сталину об этом безобразии, - сказал Иван Петрович, - мало им одного суда, они затевают еще и второй. Сталин знает мои произведения, пусть защитит меня от произвола. Сколько можно терпеть?!

Иван Петрович был очень взволнован, возбужден, ничем невозможно было его успокоить... Сели мы за письменный стол и стали сообща составлять письмо Сталину, которое предстояло подписать и снести в ЦК самому Ивану Петровичу.

- Иного пути нет, - сказал опытный юрист Брауде, - судейские законопатят вас в лагерь, откуда нет возврата. Нужен сильный, мощный удар. Только Сталин может помочь, только Сталин прекратит эту подлую шумиху, или - какую!

Сейчас может показаться парадоксальным наше тогдашнее представление о Сталине как о человеке, который может бороться против произвола, каковой, как выяснилось полтора десятилетия спустя, он сам и насаждал.

И тем не менее недели две после того, как Иван Петрович снес письмо Сталину, прошло (или около того), и в "Правде" (и в других газетах) появляется краткое сообщение от Прокуратуры СССР о том, что дело И.П.Шухова ввиду отсутствия состава преступления прекращено... Так было смыто незаслуженное пятно..."

Но совсем ли? Долго еще не мог найти себя и свое место в жизни и литературе Иван Шухов. Долго еще будет он чувствовать косые, недоверчивые взгляды, холодок в отношении к себе, вездливые придирки к своим произведениям. Клевета что уголь: не обожжет, так замарают. "...Сколько грязи и пошлости было вылито вокруг меня, вокруг моего имени в минувшем году, - откроется он в письме от 3 января 1938 года к Е.А.Рязанской, будущей своей супруге. - В течение многих лет меня с таким же усердием поднимали, с каким пытались было расщитаться со мной, уничтожить морально как человека, как коммуниста, как писателя".

Роман "Родина" с энергичным, развивающимся сюжетом, с колоритными, незаурядно выписанными образами, роман, созданный на конкретике жизни со всеми ее тогдашними сложностями, был встречен критикой с равнодушным холодком, а то и несправедливыми, по выражению самого писателя, "критическими прижиганиями".

К тому же с М.К.Аммосовым, кому Шухов посвятил этот свой роман, произошла непоправимая трагедия. Во Фрунзе, где он был избран первым секретарем ЦК Компартии Киргизии, встретили его непрерывными атаками. В "Правде" и других газетах одна за другой появлялись разоблачительные статьи: "Не считаются с сигналами коммунистов", "Буржуазные националисты", "Гнилая политика ЦК КП(б) Киргизии"... В чем только не попрекали в обвинительном тоне в этих опусах Максима Кировича: "...Аммосов не сделал еще решительного шага к освобождению руководящих органов республики от националистических двурушников...", "Аммосов выступил на съезде в защиту националиста Айтматова" (отца Чингиза Айтматова), "Аммосов не желает по-настоящему провести очистительную (!) работу" и т.д. и т.п.

На съезде КП(б) Киргизии, на различных собраниях обнаглевшие обличители в вину Аммосову ставили и прием Ивана Шухова кандидатом в члены партии. Как бы ни объяснял Максим Кирович, что Шухов - известный писатель и что он был принят в партию по инициативе и согласованию с высшими партийными инстанциями, обличители не унимались: "Нет, Шухов тебе - роман, а ты ему - партбилет! Сделка. И никаких гвоздей!".

После демонстрации 7 ноября 1937 года Аммосов по провокационному обвинению был взят под домашний арест. Через несколько дней его исключили из партии... на собрании городского партактива. Выступили 33 оратора. И все разоблачали!.. И вновь не забыли о Шухове!..

Сотрудник НКВД, некто Кириллин, в своей поразительно бурбонистой и оголтело злобной речи говорил, например, следующее: "Фашистский лозунг, выброшенный Аммосовым, не является случайным, этим выявляется круг его действий (?). В Казахстане писатель Шухов посвятил книгу Аммосову, и он его протасил в партию, ...и этот Шухов попал под покровительство троцкиста..."

Вскоре Аммосов был перевезен из Киргизии в Москву - в Бутырскую тюрьму. И после многих пыток и истязаний на 41-м году жизни расстрелян.

Пройдут десятилетия, и Иван Петрович не раз вспомнит М.К.Аммосова, посмертно реабилитированного в 1956 году. Из Якутии просили Шухова написать воспоминания о "легендарном Максиме". По этому поводу состоялся у нас с Иваном Петровичем продолжительный разговор. "Очень талантливый человек. Умница. Оратор блестящий", - такими словами охарактеризовал Шухов Аммосова.

В 70-е годы я собирал материалы, чтобы написать книгу об Аммосове. (Она была издана в Алма-Ате в 1988 году под названием "Легендарный Максим"). Биография его

оказалась удивительно яркой и богатой событиями, и я рассказал об ее некоторых эпизодах Ивану Петровичу. В частности, о том, как Максим, которому едва минуло 20 лет, по поручению В.И.Ленина вел, преодолевая огромные пространства, подвергаясь смертельной опасности, подпольную работу в колчаковском тылу. Иван Петрович был поражен и почти выдохнул: "До чего скромным человеком, оказывается, он был! Ведь ничего не рассказывал!"

"Правота - что лихота: всегда наружу выйдет" -эту истину хорошо знал Шухов. Знал и другую народную мудрость: "И в напраслине, что в деле, люди погибают". В вышеупомянутом письме Е.А.Рязанской он писал: "...Я расскажу... как-нибудь, кто были эти люди, пытавшиеся учинить расправу со мной, чем они руководствовались, что из этого вышло и чем они сами кончили". Но подобные намерения в душе писателя жили недолго - он не был мстительным человеком. Жизнь сама наказала одного из виновников. И очень жестоко.

Итак, кто же был автором той злобной статьи в "Комсомольской правде", едва не приведшей Ивана Шухова к трагическому финалу? Конечно, Шухов знал этого лицемера, прикрывавшегося личиной "общественности". Им был брат Беллы Залман Румер, член редколлегии "Комсомолки" в 1934-1938 годах.

Нечаянно-негаданно мне привелось встречаться с этим человеком в начале 50-х годов в Петропавловске. Тогда я работал заместителем редактора североказахстанской областной газеты. Ко мне явился седой, с выцветшими глазами мужчина и заявил: "Я - Залман Румер. Бывший член редколлегии "Комсомольской правды". Был осужден и выслан на 10 лет на Колыму по делу Косарева (первого секретаря ЦК ВЛКСМ. -А.Х.), а теперь я на поселении в вашем городе. Отмечаюсь каждые десять дней в органах госбезопасности. Работаю чернорабочим на мясокомбинате. Но я хотел бы быть полезным как журналист. Примите хотя бы корректором". Трудоустроить его в ту пору по профессии нечего было и думать, но он приходил в редакцию еще и еще.

В один из дней, проведав о приезде И.П.Шухова в Петропавловск, ссыльнопоселенец стал искать с ним встречи. Иван Петрович находился в кабинете редактора. Румер не посмел туда зайти и попросил у меня разрешения поговорить с Шуховым по телефону. Позвонил, но разговор не состоялся - Шухов, услышав его имя, бросил трубку. Я не знал о причастности Румера к "шуховскому делу" и подумал, что писатель избегает разговоров с сомнительными лицами. Сейчас же гадаю: что же хотел Румер -примирения, покаяния? С самим Шуховым я не заводил разговора о несостоявшейся встрече со своим бывшим коллегой.

Медленно оттаивал лед, сковавший писательский талант Шухова. Еще Гете изрек: "Таланты образуются в покое, характеры - среди житейских бурь". Отныне Шухов будет более взыскателен к себе, хотя "житейские бури" сковали на время его щедрую душу. Где те дни, когда он самозабвенно, "запойно", легко преодолевая "сопротивление материала", писал за "чайным столиком" шумной московской редакции свои первые романы? По утрам он обливается ледяной водой - это останется привычкой на всю его жизнь - и, торопливо позавтракав, садится за письменный стол. Подспудно он чувствует, что выбит из творческой колеи, но напрягает все усилия, чтобы взнудать свое Богом данное дарование и, не поднимая головы, писать и писать. Подчас им овладевает лихорадочное чувство неуверенности в себе. В письме П.Н.Кузнецову от 2 января 1940 года он признается: "...Среди героев моих поднялся полный бедлам (речь о персонажах романа "Действующая армия". -А.Х.). Люди нервничают, плачут, дерутся, рвут на себе в смятении волосы, а вместе с ними и я, растерявшийся и беспомощный автор".

В другом письме тому же Кузнецову от 16 февраля 1940 года Шухов исповедуется так: "Работы еще впереди много. Не знаю, Паша, как я вылезу из этой каторги. Тревоги, сомнений - хоть отбавляй. Трудно бывает. Но я мужаюсь... Вы, мои алма-атинские коллеги, пишете мне с прохладцей, а подчас и с этаким, понимаете ли, великосветским холодком. Забываете, что меня тут забуровило снегом, заметелило, занесло..."

"Действующая армия", рассказывающая о судьбах сибирского казачества в годы первой мировой войны, была издана в 1940 году Казгослитиздатом. Критика молчала, сам автор выказывал недовольство своим новым произведением, хотя в нем немало было великолепно выписанных сцен и персонажей, лирико-эпических страниц. Спустя годы Иван Петрович, по выражению критиков, "растворил" роман "Действующая армия" в романе "Горькая линия", то есть объединил два романа в один.

С 1937 года И.П.Шухов живет попеременно то в Алма-Ате, то в родной станице. Он пишет прекрасные публицистические, окрашенные глубоким лиризмом вещи ("Поэма о возвращенном зерне", "Письма сибирским казакам"), переводит на русский язык произведения М.Ауэзова, С.Муканова, Г.Мустафина и ищет, настойчиво ищет своей романной темы, основанной на коллизиях современности. Он обречен писать. В письме автору популярного в свое время деревенского романа "Лапти" П.И.Замойскому в 1943 году Шухов сообщает: "Пишу сейчас большой роман. И удивляюсь, как это не мог я писать этого раньше... Пишется, правда, нелегко. Но работаю я много и с таким душевным подъемом, какого не испытывал, по правде говоря, со времен "Горькой линии" и "Ненависти"... А называю вещь условно пока так: "Русский роман". После Шухов передумает, возникнут другие названия: "Мы из Сибири" и, наконец, "Метель". Да, "Метель"... В стране, где живут его герои, да и сам автор, трещат лютые морозы и метут, бесконечные метели - еле устоишь на ногах. Он слышит, как по ночам гулко взрываются ледяные толщи, сковавшие степные озера.

"...Пришло, наконец, настоящее название вещи - "Метель". Правда, хорошо? - поделится своей радостью Шухов в письме Е.А.Рязанской. - В этом слове, мне думается, есть все: и поэзия, и политическая сущность вещи, и некая колоритность для места действия - степная Сибирь".

Фрагменты "Метели" были опубликованы в газетах и журналах, в том числе под названием "Накануне" в 1946 году в журнале "Сибирские огни". В более полном, хотя и незавершенном виде эта повесть увидела свет в 1963 году в журнале "Простор". Всеволод Иванов, ознакомившись еще в 1946 году с рукописью отдельных глав "Метели", оповещал главного редактора журнала "Октябрь" Ф.И.Панферова о том, что "роман обещает многое. Он написан хорошо, отличным языком, психология героев очерчена тонко... Недостатком романа, быть может, является одно - слишком медленное развитие действия. Впрочем, я только гадаю, не больше".

Может быть, останется навсегда загадкой, почему же Шухов, не доведя до конца, забросил этот свой роман. Талант тоже живет закономерностями жизни, и всякие перемены сказываются на нем. Наступали дни хрущевской "оттепели". Степные шири Казахстана стали главной ареной освоения целинных и залежных земель. Шухову кажется, что настал день, когда он сможет сказать новое слово о жизни и людях родного ему края. Начинает с очерков - их просят наперебой самые влиятельные московские издания. Очерки Шухова звучат пронзительно бодро и даже торжественно, каждое слово в них звенит как песня. В них, как и в крупных произведениях писателя, щедрое "половодье поэзии, мир поэтической стихии, песенности, потаенной мелодии" (Е.В.-Лизунова).

"Золотое дно" - так назовет Шухов одну из книг очерков, издававшихся в Москве. "...Небывалый в этих краях урожай поднялся во весь свой богатырский рост, - радуется писатель. - Наяву он был прекраснее былых прадедовских мечтаний. И в степях вместо мертвой зыби пепельных ковылей ходуном ходило, колыхалось теперь живое, золотое море пшеницы".

Иван Петрович - частый гость покорителей целины. Среди них он видит разных людей - и истинных хозяев земли, и тысячами наехавших сюда в погоне за удачей пустозвонов и бездельников. В целинном совхозе "Молодежный" Булаевского района писатель знакомится с семейством Жигаловых, потомственных сибиряков, исконных хлеборобов, всю ночь напролет проводит с ними в беседах. И напишет вскоре на одном дыхании "Зимнюю повесть", в которой каждое слово - образ, каждое слово - от души.

"Жи-га-ловы! Фамилия-то как звучит! - восхищался Иван Петрович, рассказывая мне о своей радостной находке. - Главных героев моего нового романа я непременно назову: "Жигаловы!" Но роману не суждено было родиться. Почему? Это требует глубокого исследования, как и все послевоенное творчество И.П.Шухова. Весьма возможно, отвлекла его поездка в 1959 году в Соединенные Штаты Америки и последовавшая за этим работа над художественно-публицистической книгой "Дни и ночи Америки". Надо сказать и то, что Иван Петрович в те годы был весьма непоседливым человеком - не успеет прилететь из Пресновки в Алма-Ату и вскоре пускается в обратный путь. "Да, летаю часто, - признавался он. - Так часто, что порой не знаю - приземлюсь ли я..."

Приземлялся И.П.Шухов, к счастью, всегда удачно. Популярность его как писателя и общественного деятеля непрерывно росла. Его дважды избирают депутатом Верховного Совета Казахстана, награждают двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов.

Одиннадцать лет он возглавляет редакционную коллегию журнала "Простор", который через год-два поднимется на уровень таких центральных изданий, как "Новый мир". Помню, будучи в начале 70-х годов в Ленинграде, как литераторы северной столицы высоко ценили "Простор". Меня, казахстанца, они просили, почти умоляли найти и выслать им номера шуховского журнала с публикациями произведений, не пробившихся в печать ни в Москве, ни в Ленинграде. О масштабной и строго избирательной деятельности И.П.Шухова как главного редактора "Простора", как организатора литературного процесса на этом нелегком посту следует вести отдельный обстоятельный разговор. Роднички уже бьют-я имею в виду статью, посвященную 95-летию И.П.Шухова, в последнем июльском номере "Литературной газеты" за 2001 год.

Иван Петрович искренне радовался приходу в казахстанскую литературу новых молодых талантов, в частности Ануара Алимжанова и Олжаса Сулейменова. Он писал: "Очень многим подкупает - меня лично - Олжас Сулейменов. Редчайшим поэтическим дарованием. Культурой. Самобытностью. Личным обаянием".

Лебединой песней самого Шухова явились три повести, объединенные общим названием "Пресновские страницы". За эту книгу ему была присуждена Государственная премия Казахской ССР. "Пресновские страницы", по задумке писателя, были лишь началом цикла повестей автобиографического характера, в которых сквозь "призму времени" он намеревался рассказать о многом: и о потрясениях, вызванных революцией, гражданской войной, коллективизацией крестьянских хозяйств, и о том, какие неодолимые жизненные силы таятся в народе. "Работаю с большим душевным светом", - признавался он в одном из своих писем. "Пресновские страницы" написаны вот с этим "большим душевным светом". Они были восприняты и читателями, и критикой как изумительные по своим краскам и лиризму произведения подлинного мастера слова.

Ближайший друг И.П.Шухова, один из выдающихся мастеров казахской литературы Габит Мусрепов, выражая мнение многих своих коллег, охарактеризует его такими задумчивыми, восторженными и одновременно справедливыми словами:

"Святому делу литературы служил он преданно, смело и самозабвенно... Своей искренностью, добротой и оригинальностью он вносил, как говорили в старину, божественный дух дружества - дружбы чистой, благородной, той, что не знает ни зависти, ни корыстного расчета. Поэтому рядом и вместе с ним всегда столь хорошо дышалось и работалось".

И еще: "Лучше всего, пожалуй, характеризуют Шухова как писателя и человека его книги - "Горькая линия", "Пресновские страницы". В них с наибольшей полнотой отразились неповторимые черты его дарования, его духовного мира... Он был, что называется, писатель до мозга костей, талант милостью Божьей и потому обладал счастливой способностью мыслить по-своему и только по-своему, по-шуховски, выражать эти мысли".

И сам И.П.Шухов, испытавший на себе все радости и превратности жизни и литературного труда, скажет однажды: "Все-таки очень и очень жестокая вещь искусство.

Оно требует от нашего брата полной отрешенности, внутренней собранности и совершенно чудовищной работы. Только тогда выйдет толк из Божьего дарования".

Может быть, в этом и заключается феномен таланта, призванного служить правде жизни.

Асхад Хамидуллин